

Ольга
Луценко

**Обыкновенная история
на краю Земли**

На первый взгляд, это рассказы-сказки о животных. Но, по сути, это повесть о простых ценностях в жизни — о дружбе и предательстве, о сострадании ближнему, о месте подвигу. И вообще о том, что считать подвигом. О большом и малом, о том, что все большое начинается с малого.

Ольга Луценко

Обыкновенная история на Краю Земли

Обыкновенная история на Краю Земли

Во дворе одного дома, в конуре под старой яблоней жил да был пес Полкан. Обычный дворовый пес, чепрачно-палевого окраса, в меру косматый, не особо крупный, но и не маленький. Как и всем цепным собакам, ему полагалась алюминиевая миска с водой, старый пластиковый контейнер, в который хозяин, спасибо ему, не забывал положить служебный собачий паек, а в хорошие дни Полкану даже косточки перепадали. Ну, и само собой — цепь! Тяжеленная! Грохоча по натянутой проволоке, она прочно утверждала место самого Полкана!

Нет, Полкан был вполне доволен жизнью и даже, по общепринятым собачьим меркам, гордился своей должностью дворового сторожа. А чего же было не гордиться? Добротно сколоченная из досок, утепленная войлоком, конура, сытная похлебка — мечта любой собаки! За это Полкан добросовестно исполнял свои обязанности — лаял на прохожих, рычал на входящих в калитку гостей,

и до хрипоты надрывал голос на вездесущих котов! Не жизнь — сказка! Только иногда, глядя на звезды, Полкан грустил... Что-то не понятное, щемящее, подступало изнутри, щекотало собачье сердце какой-то неведомой тоской. В такие дни Полкан ни на кого не лаял, а просто лежал и смотрел в небо.

«Хрум!» — тихонечко треснула надломленная ветка. Полкан повел ухом и скосил глаза, делая вид, что не слышал. Профессиональная привычка взяла верх над мерцанием звезд в ночном небе, и пес выжидающе прислушивался. «Бум!» — кто-то большой и мягкий прыгнул прямо на крышу Полкановой конуры! Кот! Огромный рыжий котяра с наглой мордой сидел на конуре и пялился зелеными глазами на Полкана!

Собачьему терпению тоже есть предел! Полкан в гневе уже набрал полную грудь воздуха и вскочил на все четыре лапы, готовый в клочья разорвать наглеца! Но в этот миг сладкий, обволакивающий душу, голос произнес:

— Здравствуй, сосед. Чего грустишь?

Воспитание для собаки — это как визитная карточка! Разве может воспитанная собака наброситься на того, кто так вежливо поздоровался, прежде, чем продемонстрирует свою собственную воспитанность? Полкан поперхнулся так и не реализованным лаем, застрявшим в горле, словно

кость, и как мог, вежливо рыкнул:

— Тихон? Ты, что ли? А я и не разобрал в потемках. ЗдорОво! Ты чего здесь?

Кот тихонько мурлыкнул себе в усы, потянулся и доверительно, по-соседски, продолжил:

— Конечно, я. Кто же еще осмелится подойти к такому знатному сторожу, как Полкан? Только друг, ну, или, скажем, сосед.

— Чуть не разодрал тебя в хлам, — Полкан все еще недоверчиво поглядывал на кота. — Ты, Тихон, крадешься, словно мышь. Я ведь так могу и зашибить ненароком.

— Меня потому так и зовут — Тихон, Тишка, — рыжий прохвост улыбался, но с конуры не слезал. — Так чего ты такой грустный?

— Да не знаю я, — пес глубоко вздохнул. — Вона, сколь звезд на небе... Ишь, как сверкают! И луна... Желтая, что твой глаз! Вот я и гляжу... Да тебе-то что?

— Да мне-то ничего, — рыжий собеседник перебрался на забор. — Иду себе, смотрю — сосед мой печалится. Дай, думаю, спрошу, как у него дела?

— Ладно, Тихон, ты не серчай, ежели чего, — Полкан снова улегся на землю. — Это я так, для порядку... Работа такая...

— Ну, да, — кот вздохнул. — А она тебе

нравится?

— Кто?!

— Да никто! Работа твоя!

— А чего ж? — самолюбие Полкана было задето за живое. — Хорошая работа! Не всем такая достается! Я не жалуясь! Всегда крыша над головой да похлебка в миске! Она — даже не доел, аппетиту чего-то нет.

— Хм. Твоя правда, — ухмыльнулся Тихон. — Лучше обед без аппетита, чем аппетит без обеда! Ну, а звезды? Зачем они тебе?

Полкан поднял морду вверх, взглянул на звездное небо и возмущенно рявкнул на кота:

— Да чего ты ко мне пристал! Работа как работа! Звезды как звезды!

Тихон с опаской отодвинулся подальше, но убедившись, что стальная цепь не позволит Полкану достать до него, промурлыкал в ответ:

— Да ты не сердись, сосед. Мне тоже сегодня грустно. Вот и подумал — авось поговорим по душам...

Полкан оторопел:

— По душам? Ты, Тихон, кот, а я — пес. Разве мы можем по душам говорить?

— А чего ж нет? У тебя есть душа, и у меня имеется... Чего бы нам не поболтать по-соседски? Может, и не так грустно будет, а? Ладно, пойду я. Дела...

Полкан посмотрел вслед рыжему коту, ловко идущему по штакетнику забора и уже совсем не сердито окликнул его:

— Слышь, Тихон?

— Да? — кот остановился и повернул голову.

— Ты того, сосед, не сердись... Это я так, для порядку... Положено так, по должности, — Полкан замялся. — Ты заходи, если что. Дорогу теперь знаешь...

— А чего ж? — Тихон улыбнулся во все свои пышные кошачьи усы. — Конечно, зайду!

* * *

До самого утра Полкан не мог уснуть. «И ведь принесла же нелегкая этого кота! — думал он, лежа в конуре и ворочаясь с боку на бок. — И дались же ему эти звезды! Хочу и смотрю! Стану я еще всяким рыжим котам докладывать!» И только сладкая дрема накатила на веки, как тут же первый петух во все горло заорал свое «Кукареку!», и Полкан снова открыл глаза.

«Вот дотошный котяра! — пес уже начинал злиться. — Не выспался из-за него! Теперь весь день на службе дремать буду!» И тут на конуру снова бумкнулось что-то увесистое, и опередив все собачье негодование, мяукнуло:

— Доброе утро, сосед! Досчитал вчера

звезды?

— Здорово, Тихон, — Полкан гордился своей выдержкой. — Ты чего в такую рань?

— А я, дружок мой, тоже ходил вчера на звезды глядеть, — кот осмелел и спрыгнул на землю перед самым носом Полкана. — Вот сокрушался, что тебя рядом не было!

— Да ты рехнулся, сосед! — от такой наглости у пса даже дух перехватило. — Зачем я-то тебе нужен рядом?! Ты — кот! Понимаешь?! Кот!!! А я — пес!!! То есть, собака! Ты слышал когда-нибудь выражение «как кошка с собакой»?

— Ой, ну фу, Полкан! Как приторно! — фыркнул Тихон, — Мне больше нравится фраза «как добрые соседи». Есть еще одна, она даже лучше! Только нам с тобой до нее еще расти и расти!

— Это какая же? — Полкан оторопело высунул язык.

— Знатный у тебя язык! — мурлыкнул кот. — Как маки во дворе моей хозяйки...

— Не тяни кота... то есть... за хвост, в общем! — гавкнул Полкан. — Чего хотел сказать? Какая еще там фраза?

— «Как верные друзья», — Тихон хлопнул своими глазищами и уставился на пса взглядом, полным сострадания. — Но ты не переживай, сосед — это пока что не про нас.

— Ну, ты даешь! — только и смог сказать Полкан.

Кот осмелел и, пользуясь внезапно возникшим доверием, подошел ближе и начал издали:

— Я вот чего, сосед... Не выручишь ли?

— Чего тебе? Говори уже, — Полкан лег на землю и сонно зевнул.

— Понимаешь, я не знаю, как так вышло, но все в доме думают, что это я разбил кувшин со сметаной... — Тихон говорил вкрадчиво, почти шепотом. — А я ничего, я только мимо шел. А раз уж кувшин упал, чего было не попробовать? Правда?

— Ну? — недоумевал Полкан.

— Я подумал, что мне не стоит попадаться никому на глаза. Поэтому хочу, чтобы ты помог мне спрятаться.

— ??? — от такой наглости Полкан потерял дар речи.

— Ну, скажем, в твоей замечательной конуре? — вкрадчиво продолжал Тихон.

У Полкана отвисла челюсть.

В это время дверь в соседнем доме с грохотом распахнулась и на крыльце появилась хозяйка дома, тетушка Анна:

— Ну, и где эта рыжая бестия? Тихон! Где ты есть? Зашибу, дурилка блохастая!

Тихон, прижавшись брюхом к земле, ловко

шмыгнул мимо обескураженного Полкана в конуру. Когда тетушка Анна гневалась, самым правильным было не попадаться ей под руку, так как рука у нее была ох, какая тяжелая!

— Я знал, что ты меня выручишь, сосед! — уже из конуры заворковал кот. — Ты понимаешь, в чем фишка? Здесь меня уж точно никто не станет искать!

— Тихон, ты того... не очень-то... наглей, — Полкан наклонил голову и заглянул в конуру. — Меня же собаки засмеют! Вылезай!

— Ты погоди, сосед! Не гони меня, — запричитал Тихон. — Ты видал, как она сердится? И впрямь зашибет, чего доброго! Ты уж потерпи, соседушка! Я тебе тоже когда-нибудь пригожусь!

Полкан улегся рядом с конурой в полной растерянности. Он безрезультатно пытался собрать свои мысли в одном каком-нибудь месте, но ничего не получалось. «Вот вышвырну его сейчас вон из моей конуры!» — это была самая настойчивая мысль. «Да не удобно как-то, все-таки сосед, хоть и кот,» — проглядывала другая, более скромная мысль. «И все равно, гнать его надо в три шеи отсюда!» — стояла на своем первая. «Да что он тебе сделал? Ну, пусть побудет там немного, дыру не пролежит!» — вклинивалась следующая мысль. И не известно, сколько бы продолжался этот спор, если бы тяжелая мокрая капля не упала Полкану

прямо на нос! А за ней — еще одна! И еще! И еще!

Полкан терпеть не мог мокнуть под дождем! Потому, что его густая косматая шерсть промокала и начинала источать резкий запах, который отбивал тонкий аромат чистых, вымытых дождем, листьев. Другое дело — смотреть на дождь из конуры и наслаждаться! Но там сейчас сидит этот противный рыжий котяра! А дождь все усиливался и вот уже хлынул сплошным потоком! Полкан тоже шмыгнул в конуру и сердито засопел носом.

— Ты сердисься на меня, сосед? — сладко мурлыкнул Тихон. — Но ты же видел, что у меня не было другой возможности спрятаться! Твоя конура самое, что ни на есть, надежное место!

— Да и не сержусь я вовсе, — Полкану даже как-то неловко стало. — Сиди. Просто дождь этот... Промок я... Не люблю!

— Промок? — глаза у кота заблестели. — Это ничего! Это мы мигом! Уж это я умею!

И он придвинулся совсем близко, прислонясь к хозяину конуры теплым рыжим боком. «Какой ужас!!!» — в голове у Полкана была только одна мысль! Лежать в собственной конуре рядом с... котом! Но мягкий рыжий бочок был таким уютным, а снаружи хлестал дождь, и собачье сердце сдалось...

— А хочешь, сосед, я расскажу тебе какую-нибудь историю? Или сказочку? — Тихон

зевнул. — Ну, чтобы не впустую во двор тарашиться?

— Историю? Или сказочку? Ну, валяй... Все равно, дождь...

И сладко замурлыкал рыжий кот. Голос его сливался с шумом дождя, слова — с барабанной дробью капель на крыше конуры. Веки у Полкана стали тяжелыми, и сон сморил бывалого сторожевого пса...

* * *

— Эй! Сосед! — Тихон тихонечко коснулся лапой собачьего уха. — Проснись! Кончился дождь!

Полкан открыл глаза. Солнечные зайчики всюду плясали по лужам! Пахло свежестью и чистым небом! Но главное — шерсть на боках высохла до самого подшерстка!

— Гляди-ка, Полкан, — кот кивнул головой на алюминиевую миску, до краев полную свежей дождевой воды. — Ты самый богатый пес на земле! Вон, сколько у тебя золота!

Содержимое миски сверкало и переливалось золотым блеском.

— Да ты что, Тихон! — Полкан уже совсем перестал сердиться. — Это же солнце отражается в воде! Ох, ну и выдумщик же ты!

— А это как посмотреть, — томно мурлыкнул кот. — Все относительно. Вот вчера еще мы с тобой были просто соседями. А сегодня кто?

— Кто??? — Полкан даже рот разинул от любопытства.

— Сегодня мы с тобой уже не просто соседи. Мы — приятели!

— Это почему еще? — пес строптиво рыкнул.

— А потому, что ты избавил меня от хозяйского гнева, и мы вдвоем, под одной крышей, прятались от дождя! Значит теперь ты уже не станешь загонять меня на деревья, а я никому не позволю дразнить тебя.

— Ты!? Не позволишь!? — Полкан засмеялся. — Это как же?

— Сейчас не знаю. А вот к вечеру или, например, завтра буду знать. — Тихон смотрел на Полкана наглыми зелеными глазами и ухмылялся в усы. — Все познается в сравнении. Это так же, как и вода в миске.

— А что вода? — Полкан взглянул на свою миску. — Вода как вода... С чем ее можно сравнить?

— Конечно. Просто чистая дождевая вода в миске. — терпеливо продолжал кот, — А окунись в нее солнце — и заиграет она золотым блеском, засверкает дороже любого сокровища! А однажды наступит день, когда для тебя ничего не будет

желаннее этой миски с обыкновенной дождевой водой!

— Чудной ты, Тихон...

— Ладно. Заболтался я с тобой, приятель! У меня ведь полно дел! Пока! — и кот важно прошествовал через весь двор, распушив свой великолепный рыжий хвост.

Полкан задумчиво смотрел ему вслед: «Хм... Приятель... Ну, какой я ему приятель? Он же кот! Однако, если подумать... Ничего плохого в нем нет. Мягкий и теплый, такой же, как и я... Хотя нет — я потверже буду... Кому рассказать — сраму не оберешься!»

Большая перламутрово-зеленая муха прожужжала у самого уха задумавшегося пса и села на край алюминиевой миски с водой. Солнечные блики на поверхности воды тут же затрепыхались, рассыпая золото по всему двору. Полкан сердито гавкнул и прогнал муху. «Ишь, чего удумала! Такую красоту портить! Пусть сверкает!» Он наклонился и глотнул золотой воды.

— Гляди, сосед! — это тетушка Анна через плетень окликнула хозяина Полкана. — Твой кобель весь золотом блещет! Чисто праздничный самовар!

Солнечные зайчики прыгали по собачьей морде, забирались в уши, щекотали глаза. Весь мир отражался в алюминиевой миске с дождевой водой!

А Полкан шурился и думал о том, что не так уж глуп это рыжий прохвост Тихон.

* * *

Тонкий месяц поплыл по темно-фиолетовому небосклону, горстями рассыпая вокруг себя сверкающий звездный бисер. Полкан лежал у конуры и мечтательно смотрел в небо. «А ведь, любопытно было бы знать, там далеко, среди таких вот прекрасных звезд, есть ли звездные собаки?» — думал он. «Наверняка есть! Как не быть? Должен же кто-то сторожить все это добро! Непременно есть!»

В доме погасли огни, значит хозяева отправились спать. А во дворе стало темнее, и звезды на небе засверкали еще ярче. «А вот есть ли там коты?» — служивый пес оглянулся вокруг. Тени стали гуще, звуки резче. Лягушки в пруду заливались вечерним хоровым пением. «Вот бы мне хоть раз шугануть их там, на берегу! Но служба — первое дело... И цепь стальная... Не сбежишь...» — Полкан снова посмотрел на звезды. «Нет, котов там, наверное, нету... Ну, какой из кота сторож?»

В траве, не разбирая дороги, прошуршал ёж. Полкан даже рычать на него не стал, не хотелось отрывать взгляд от звездного купола над головой: «А вот интересно, звездные собаки и звездные коты

на небе могли бы быть приятелями?» Мысли в его голове толпились, натываясь одна на другую: «Там, наверное, полно всех! Целый звездный Мир!» И уже почти засыпая, Полкан удержал последнюю, самую добрую из всех своих мыслей: «Вот бы с ними познакомиться! С тамошними...» А потом мысли исчезли, разлетелись, словно испуганные воробьи, и Полкан уснул.

Соседский петух спозаранку уселся на забор и во все горло возвестил миру начало нового дня! Полкан еще нежился в сладкой дреме, когда его ухо уловило тонкий металлический звон и топот молодых сильных лап на дороге. Сомнений быть не могло — к соседям в гости приехали родственники, а с ними — доберман Гром. Надменный, избалованный пес, чрезвычайно гордившийся своим положением и родословной. С Полканом у них была обоюдная неприязнь. Вот и сейчас Гром встал передними лапами на плетень и звучно гавкнул в сторону Полкановой конуры:

— Эй, ты! Цепной прихвостень! Ты там еще не издох?

Полкан не хотел выходить, но никогда не мог себя сдерживать, если кто-то начинал дразнить его. С громким лаем дворовый пес выскочил из конуры и бросился к забору, где красовался его обидчик. Но крепкая стальная цепь удержала порыв возмущенных чувств, и Полкан от резкого рывка

свалился прямо в пыль.

— Эх, ты, старая грязная калоша! — не унимался Гром. — Ну, погляди на себя! На кого ты похож? И смердит от тебя за три версты!

— Убирайся прочь! — рывкнул Полкан, поднимаясь на ноги. — Это мой двор!

— Да нужен мне твой двор, несчастная дворняга! — Гром оскалился в высокомерной улыбке. — Ты ведь кто? Ты — никто! Псына беспородная! Вот и валяйся на своем дворе в своей пыли! А я пес породистый, я иду по жизни вперед с гордо поднятой головой!

— А ты и впрямь такой умный или притворяешься? — раздалось откуда-то сверху.

Обе собаки повернули головы и посмотрели вверх. На ветке старой яблони сидел Тихон. Он не торопясь умывал морду и лапы.

— А! И ты тут! Рыжий прохвост! — Гром тоже не отличался терпением, и с лаем кинулся под яблоню — Вот я тебе покажу! Разорву в клочья твою поганую наглую морду!

Тихон выгул спину, сладко потянулся и, наклонив голову, задумчиво произнес:

— Знаешь, Гром, труднее всего в жизни дается то, что дается не тебе...

Даже обиженный Полкан усмехнулся, потирая ушибленный бок. А Гром с надрывом и хрипом лаял на кота:

— Дай только добраться до твоего хвоста! Уж я от тебя мокрого места не оставлю, наглый кошак!

— А ты сначала доберись! — рыжий наглец спрыгнул на Полканову конуру, а потом уселся на заборе. — А что? Видать, и впрямь хорош мой хвост, раз он тебе так понравился!

— Ну, держись! — и Гром вмиг оказался на территории Полкана.

Полкан с яростью бросился на нарушителя. Но Гром тут же ретировался и перескочил обратно:

— Так ты еще и котов охраняешь? — рыкнул он. — Копна блохастая! Я и до тебя доберусь, вот только с котом разделаюсь!

А Тихон тем временем уже был на проселочной дороге и медленно шел вдоль сточной канавы, сплошь заросшей осокой и засиженной лягушками. Канавка источала неповторимый стойкий аромат зацветшей воды и маслянистого ила. Кот шел так, словно и не было за забором никакого разозленного добермана.

Гром незамедлительно бросился к калитке. Полкан предупредительно залаял, но Тихон, казалось, и вовсе ничего не слышал. Возле старой ивы через канаву было перекинуто несколько упругих веток. Кот прошел по ним до середины и сел.

Доберман Гром с твердым намерением покончить с рыжим наглецом мчался по дороге к

тому месту, где сидел Тихон. В азарте он на полной скорости оттолкнулся от берега и сиганул прямо на ветки, стараясь вцепиться зубами в ненавистного кота!

Полкан заскулил от досады и зажмурил глаза. Но потом очень об этом пожалел, так как не увидел самого интересного: в последний миг Тихон ловко вцепился в свисающие до самой воды ивовые косы и быстро вскарабкался по ним на дерево. А Гром со всего маху, всем своим немалым весом, угодил ровно посередине хрупкого мостика! Ветки под ним проломились, и пес плюхнулся прямо в воду! Лягушки шарахнулись от такого удара во все стороны! Гром до самой макушки погряз в скользкой, липкой и дурно пахнущей жиже. Цепляясь лапами за осоку, он пытался выбраться на берег, но скользкий ил не давал опоры, и доберман съезжал обратно в канаву. Пробарахтавшись так некоторое время, Гром, наконец, лег на брюхо и с трудом выбрался на берег.

— Ну, что, Гром? — раздалось сверху сладкое мурлыканье. — Трудно ползти с гордо поднятой головой?

* * *

Вечером, когда на небе снова стали зажигаться звезды, Полкан улегся поудобнее и

приготовился смотреть на небо. Настроение было прекрасным — Гром весь день носа не казал на улицу. Но едва небосклон из фиолетового стал темно-синим, и звезды засверкали, как драгоценные камни, что-то до боли знакомое бумкнулось на крышу конуры.

— Здорово, приятель, — раздалось совсем рядом.

— А! Это ты, Тихон! Здорово! — Полкан обрадовался и даже завилял хвостом. — Рад тебя видеть! Я это... Ну, как бы... ЗДорОВО ты меня выручил сегодня... Спасибо тебе...

— Не за что, — мурлыкнул Тихон, — Никому не позволено обижать моего приятеля!

— Я это, — пес замылся. — Ты не думай, я бы и сам мог задать ему трепку, да вот цепь... Я теперь твой должник, за мной не заржавеет!

— В жизни всегда есть место подвигу, но лучше быть подальше от этого места, — кот ухмыльнулся в усы. — Я вот чего пришел, приятель... Хочу показать тебе звезды...

— Как это показать? Вона их сколько! — Полкан кивнул мордой в небо. — Я их каждый день вижу!

— Нет, дружище! Я хочу предложить тебе целую Вселенную! Огромный Мир на Краю земли, — Тихон говорил шепотом и от этого в его словах угадывалась тайна. — Хочешь? Пойдем со

мной?

— Да ты что!? — Полкан удивленно захлопал глазами. — Как же я пойду? Разве ты забыл про цепь?

— Цепь? — рыжий авантюрист пренебрежительно посмотрел на цепь и на проволоку, по которой она скользила. — У тебя ошейник болтается на шее, как бублик на веревочке! Наступи лапой на конец ремня — и ты свободен! Я удивляюсь, как ты сам до сих пор не догадался!

— Э-э-э... — пес нерешительно покрутил головой. — А как же дом? Мне же дом сторожить надо... Я на то и сторож...

— Ты не перестаешь меня удивлять! — Тихон сделал большие глаза. — Ну, куда денется твой дом? Да всего-то и надо каких-то полчаса! Ну, или чуть больше! Никто и не заметит! Не дрейфь, приятель! Не пожалеешь!

А еще через пять минут они уже шли в наползающей темноте по узкой тропинке среди высоких трав, шли рядом, касаясь друг друга боками — кот и пес... Полкан захмелел от нахлынувшей на него свободы! Как велик, оказывается, был Мир вокруг! Но мысли надоедливо буравили его голову. «Это просто невероятно! — услужливая и возмущенная мысль не давала Полкану покоя. — Я оставил свой

законный пост и иду, невесть куда, не с кем-нибудь, а с котом!» «Ну, так что же? — успокаивала другая, более лояльная мысль. — Он же твой приятель, хоть и кот!»

Тропинка стала неровной, под ногами все чаще стали попадаться куски пластика, обрывки картонных коробок и осколки стекла, запахло помойкой. У кирпичной стены развалившегося старого дома Полкан остановился, понюхал воздух, повернулся к Тихону и сказал:

— Это и есть твой Край земли? Тихон! Ты с ума спятил! Это же мусорная свалка!

— Ну, так что же, что мусорная свалка? — Тихон невозмутимо шел вперед. — Нет, приятель, это еще не Край земли. Кроме того, в мусорной свалке тоже есть своя тайна...

— Тайна??? В мусорной свалке??? — Полкан развеселился. — Что же в ней тайного?

Тихон остановился, принялся и свернул с тропы. Полкан осторожно пошел за ним. Резкий запах выгребной ямы ударил по носу. Но кота это нисколько не смущало, он подошел к самому краю помойки и сказал:

— А теперь замри и смотри вниз!

Полкан осторожно заглянул за край ямы. Слово небо вдруг хлынуло на землю! Тысячи тысяч мерцающих огоньков, как тысячи тысяч сверкающих звезд, необыкновенно сказочно

пульсировали и двигались там во все стороны! Их призрачный зеленовато-голубой свет растекался вокруг, словно колдовское марево. У Полкана даже дух перехватило:

— Тихон! Что это!?

— Если серьезно, чтобы ты в себя пришел, то это просто светлячки, — кот уселся на краю ямы. — А если подумать, то это целый Мир, со своими правилами и законами. Только не каждый может его увидеть...

— А знаешь, я когда-то был с хозяином в большом Городе, меня на прививку возили к ветеринару, — Полкан сел рядом. — Так вот мы тогда возвращались поздно. И я видел много огней. Это очень похоже...

— Похоже на что?

— На огни большого Города. Только они здесь зеленые, — Полкан, как замороженный, не мог оторвать взгляд от увиденного. — Тихон, это как Космос, не хуже звездного неба! Я даже забыл, что это мусорная свалка...

— Да. Те, кто там живет, вовсе не считают свой Мир выгребной ямой... — Тихон оглянулся. — Однако, с реки туман поднимается, пойдем!

В темноте они обогнули кирпичную стену, оставили позади мусорную свалку с ее зачарованным Городом Светлячков, и вышли на

крутой берег реки. Свежий ветер окунул Полкана в пьянящий аромат остывающей после летнего дня земли. Пахло полынью, свежесдобитым хлебом, рекой... Сидя на цепи у своей конуры, Полкан и думать не мог о столь богатом разнообразии запахов! Тогда и родилась в его голове первая шальная мысль: «А стоит ли стальная цепь и алюминиевая миска с водой такого упоения и свободы?» Но другая, более рациональная мысль, тут же навела порядок: «И думать забудь! Свой кусок хлеба надо честно зарабатывать!»

С реки поднимался сизый шлейф тумана, обволакивая все вокруг себя.

— А вот теперь — смотри! — сказал Тихон. — Это стоит того, чтобы посмотреть!

Полкан в который раз разинул пасть от изумления: туман окутал всю землю вокруг, и они с Тихоном, словно парили над ней меж бесчисленных звезд! Исчезло все — проселочная дорога, мусорная свалка, речка! Только звезды блистали своей чарующей красотой и звали за собой в неведомую даль...

Наконец, Полкан не выдержал и спросил о самом откровенном:

— А как ты думаешь, Тихон?... Ты только того, не смейся... Там, среди звезд, могут быть, к примеру, звездные собаки?

Тихон смеяться не стал. Туман поднимался

выше и становилось зябко. Кот подвинулся ближе, пряча спину в густой собачий подшерсток.

— Смотри, дружище Полкан, — серебристый свет звезд прямо из космических просторов попадал на усы Тихона, и они, казалось, сами излучали серебряно-голубое сияние. — Во-о-о-н там, над самой маковкой высокой сосны горят четыре звездочки подряд, видишь?

— Вижу! — Полкан тоже слегка продрог. — А рядом с ними еще несколько, слегка размытые, да?

— Да. Это созвездие Гончих псов.

— Да ну??? А ты не врешь? — изумился Полкан. — Так и называется? Гончих псов??? Тихон! Да я же каждый вечер на небо глядел и думал о них! Неужто, правда?

— Правда, — кот свернулся калачиком. — Да там много, кто есть. Вон тот ковш, к примеру, называется Большой Медведицей, а рядом с ней черпачок поменьше — Малая медведица...

— Медвежонок, стало быть? А еще кто? — Полкан забыл про зябкий туман, он заворожено смотрел на звездное небо.

— Вон там летает звездный Орел, — Тихон, как всегда, говорил почти шепотом, и от этого в самом тумане и в блеске звезд растворялась сказка. — А вон там, правее, вышел на охоту звездный Лев...

Полкан смотрел на небо, сидя на самом краю земли, за которым не было ничего, только дымчато-сизый туман, у его ног свернулся калачиком рыжий кот, а над головой сверкал и переливался драгоценным блеском звездный купол! Упираясь рогами в звезды, ступал по небосклону огромный Звездный Бык. В бескрайнем космическом море плескались Звездные Рыбы. Широко раскинул крылья в полете Звездный лебедь. Как зачарованный, Полкан не мог оторвать взгляд от нахлынувшей на него сказки!

— Слышь, Тихон, — тоже шепотом произнес пес. — А коты там есть? Вон ведь столько всех, не может быть, чтобы кота не было? А?

— Когда-то была Звездная Кошка... — задумчиво протянул Тихон. — Но она, как бы это сказать? Потерялась, что ли?... Запропала...

— Не может быть, чтобы совсем запропала! — деловито фыркнул Полкан. — Это все ваша, кошачья привычка — бродить, где ни попадя! Но ты не бойсь, Тихон! Раз там есть Гончие псы, они обязательно ее найдут! Вот увидишь! Собаки всегда кошек находят!

Туман поднимался выше, небо стало тускнеть, и вот уже заря блеснула на горизонте тонким светлым лучиком.

— Однако, нам пора, дружище, — Тихон встал, потянулся и добавил. — Пока твои хозяева

не обнаружили пропажу!

* * *

С того дня лето было просто чудесным! Оказывается, как легко можно иногда отложить важные дела и неотложные обязанности — и выкроить для себя немного счастья! Просто наступить лапой на ремень, выбраться из ошейника и позволить себе посидеть рядом с приятелем на самом Краю Земли, глядя на сверкающий звездный купол! И не важно уже было, что этот самый приятель — рыжий соседский кот!

Каждый раз Полкан смотрел на своих звездных братьев, Гончих псов, и каждый раз спрашивал их — не нашлась ли среди всех других Звездная Кошка? Но псы лишь молчаливо взирали сверху, давая понять, что не так-то это просто — найти кошку, которая гуляет где-то по небосклону среди звезд...

В те дни, когда Тихон пропадал куда-то по своим кошачьим делам, Полкана, как всегда, посещали каверзные мысли. «Докатился! — ворчала все та же, самая зловредная собачья мысль. — С котами дружбу водишь!» «Во-первых, не с котами, а с котом, — оправдывалась другая, более лояльная мысль. — А во-вторых, я пока что никому еще не говорил, что он мой друг!» «Как

будто без этого не заметно! А как же светлячки на мусорной свалке? И звезды над обрывом?» — не унималась первая. «Звезды не трожь! — совсем по-собачьи рывкнула третья мысль, которой надоело слушать первые две. — А и что такого, что он мой приятель или может даже друг? Он показал мне Гончих псов!»

А когда Тихон возвращался со своих гульбищ и отсыпался в собачьей конуре, Полкан ревниво охранял его сон, чем немало удивлял своего хозяина и соседку, тетушку Анну.

— Надо же! — восклицала она. — Сосед! Гляди-ка! Мой рыжий прохвост с вашим кобелем сдружился! Вот это диковинка!

Хозяин Полкана только улыбался:

— Я всегда говорил, что он только с виду свирепый! А душа у него, на самом деле, добрая!

А вечерами кот и пес снова смотрели на звезды, лежа рядышком на крыше Полкановой конуры. А когда ночь выдавалась особенно ясной, шли к мусорной свалке, чтобы взглянуть на дивный Город Сетлячков у выгребной ямы, а потом до самого утра сидели на Краю земли и, затаив дыхание, наблюдали, как стремительно мчатся по небосклону в поисках Звездной Кошки Гончие псы...

Надменный красавец доберман Гром даже не смотрел в сторону Полкана и больше не дразнил

его. Полкан и вовсе забыл о Громе! А Гром затаил в душе злобу и ждал момента, чтобы отомстить самонадеянному рыжему коту, так унизившему его перед цепной дворнягой! И однажды такой момент наступил.

Случилось это в полдень. Ничего не подозревающий Тихон, прыгнул с забора на землю и уверенно вышел на улицу, прогуляться на лужок, где доярки доили коров, а потом проведать юных рыбаков у озера, поинтересоваться, хорош ли сегодня улов.

И в этот момент из калитки пулей выскочил разъяренный Гром! Тихону ничего не оставалось, как бежать! Гром ловко отрезал путь к спасительному забору, его острые зубы лязгали совсем рядом, сильные лапы не знали усталости. Пытаясь спастись от такой внезапной погони, Тихон метнулся в сторону мусорной свалки.

Полкан сквозь забор увидел, как в клубах пыли пронеслись мимо Тихон и Гром. И только одна мысль возникла в его косматой голове: «Он же разорвет Тихона! И клочков не соберешь!» Пес метнулся к калитке, но цепь рывком осадила его порыв, строго указывая на отведенное в жизни место. «Держись, Тихон! Я мигом!» — Полкан решительно наступил лапой на болтающийся на шее ошейник и уже в следующее мгновение мчался по проселочной дороге, вслед за столбом пыли,

поднятым Тихоном и Громом.

Тихон уже выбивался из сил, а неутомимый Гром неотвратно наступал на него. Кот не однажды выворачивался из-под самых зубов добермана. За мусорной свалкой, ближе к обрыву, росли деревья. Туда-то и мчался отчаявшийся Тихон. Но Гром ловко отрезал ему путь к дороге, и впереди предательски встала кирпичная стена. Ровная, гладкая, без единой зацепки...

Кот прижался спиной к теплым кирпичам, выгнув спину и зашипел. Но запах страха, стойкий и липкий, как зеленая жижа на помойке, красноречиво говорил Грому о близости сладкой местности.

— Попался, мерзкий котяра! — запыхавшийся Гром ошетинился и оскалил зубы. — Сейчас ты мне за все ответишь! В хлам разорву!

— Стой, Гром! — раздалось вдруг сзади.

Доберман повернул голову. Из клубов пыли к стене выкатился Полкан, запыхавшийся, всклокоченный, весь в репьях:

— Не тронь его! Не то я сам тебя разорву!

— Кто это там твякает? — Гром не на шутку рассвирепел. — А, это ты, шелудивая дворняга! Уноси ноги по добру по здорову!

— Не тронь его, Гром! — шерсть на холке Полкана встала дыбом. — Добром прошу!

— Ах, ты склизкий кошачий прихвостень! Ты

кого защищаешь? Кота???? Кто он тебе? Может, брат? — Гром оскалился и замер, а затем ринулся прямо на, сжавшегося в комок, Тихона.

— Он мне Друг! — уже в прыжке рявкнул Полкан и сбил с ног разъяренного добермана.

* * *

По дороге в сторону мусорной свалки торопливо шли запыхавшаяся тетушка Анна в цветастом переднике и хозяин Полкана с топором в руке.

— Я тебе чего и говорю, сосед! — тетушка Анна едва переводила дух. — Родичи мои скоренько так собрали монатки, погрузили в багажник своего крокодила и уехали!

— А крокодил-то че? Не сопротивлялся?

— Какое там! Он, аспид, весь изодранный был, морда расцарапана! А кровищи! А я гляжу — Полкана вашего нет на месте! И Тихон куда-то запропастился! Говорят, на свалке их видели, всех троих...

— Да вон они... Оба... — хозяин Полкана остановился.

У кирпичной стены за мусорной свалкой, на земле, истерзанный, весь в крови, лежал Полкан. Дыхание его было частым и прерывистым. А прижавшись всем телом к окровавленным ранам

друга, словно впитывая в себя нестерпимую собачью боль, всеми четырьмя лапами обнимал его Тихон...

— Вот это да... — обомлела тетушка Анна. — Живой ли? Слышь, сосед... Ты того, помог бы, чтоб не мучился так зря...

— И то верно, — мужчина сжал в руке древко топора и сделал шаг вперед.

Тихон вмиг открыл глаза и соскочил на землю, заслоня собой окровавленного Полкана. Рыжая шерсть кота была какого-то бурого цвета, то ли от крови, то ли от пыли, и клочьями свисала с боков. Тихон выгнул спину, зашипел, а потом выпустил когти и отчаянно двинулся на людей. Из его горла исходил какой-то утробный, звериный рык.

— Бог мой! Сосед! — тетушка Анна побледнела. — Оставь их, Христа ради! Ведь глаза выцарапает! Никогда своего Тишку таким не видела! Все одно, пес не жилец, до утра не дотянет...

— И то верно, — хозяин Полкана опустил топор. — Утром и приберу... Пусть так...

Люди ушли, а Тихон снова прижался всем телом к ранам Полкана и зажмурил глаза. И наступила тишина, в которой было слышно только стрекотание кузнечиков и хриплое дыхание израненной собаки.

Солнце коснулось горизонта, сверкнуло алой полоской по макушкам деревьев, а вскоре и вовсе спряталось, уступая место сиреневым сумеркам. Полкан стал дышать ровнее.

Сумерки сгущались, превращаясь из сиреневых в синие, на небе одна за другой зажигались первые звездочки. Полкан открыл глаза. Небо колыхалось над ним, словно в тумане.

— Тихон, — чуть слышно проскулил он. — Ты живой?

— Главное, что ты живой! — ответил Тихон, не расслабляя объятий. — Гляди-ка, вон и твои Гончие псы здесь!

Полкан с трудом поднял голову:

— А звездную Кошку они так и не нашли...

Небо все темнело и темнело, звезды становились ярче. Большая Медведица задумчиво качала головой, глядя сверху на двух перепачканных в крови и пыли друзей. А они лежали у кирпичной стены и смотрели на звезды...

Туман стал подниматься из лощины, окутывая сизым шлейфом всю мусорную свалку и Край Земли... Полкан вздрогнул:

— Что-то холодает... А знаешь, Тихон, чего бы мне сейчас хотелось больше всего? Вот ты не поверишь!

Тихон освободил Полкана от своих объятий, сел рядом и вопросительно посмотрел в глаза

приятелю.

— Все так, как ты мне однажды сказал, — продолжал Полкан. — Больше всего мне хочется напиться воды из своей алюминиевой миски...

— Тогда вставай, дружище Полкан! — Тихон довольно хмыкнул. — Вставай и пойдем домой! Пока твой хозяин не взял себе другую собаку на твое место!

Полкан, принимающий все за чистую монету, всполошился и с усилием поднялся. Лапы его дрожали, все тело ныло от боли, но он уверенно сказал:

— Идем!

И они пошли рядом, лапа к лапе, поднимаясь по тропинке вверх. Тихон слегка прихрамывал, а Полкан едва ковылял, тихонько скуля от боли. Чтобы не показаться Тихону совсем размазней, он процедил сквозь зубы:

— Вот мы с тобой сейчас идем домой, не торопясь, беседуем по пути... Как сосед с соседом...

— Или, как кошка с собакой? Верно? — улыбнулся в ответ Тихон.

Они обогнули кирпичную стену. В глубине выгребной ямы мерцал и жил своей жизнью Мегapolis Светлячков. И никакого дела в нем не было до двух бредущих по краю мусорной свалки друзей. Полкан остановился, оглянулся назад,

взирая на поле боя у кирпичной стены, глубоко вздохнул и сказал:

— А крепкая, однако, хватка у этого добермана! Смертельная. Не знаю, как и жив остался...

— Ты ему тоже хорошую трепку задал, в накладе не остался! Уж будь уверен! — поддержал друга Тихон. — Ну, и я немножко ему экстерьер на морде попортил... Да ладно, чего уж там... Пойдем.

— Хозяин мой, небось ругает меня за то что со двора сбежал, — вздохнул Полкан.

— Твой хозяин вчера хоронить тебя собирался, — проговорил в ответ Тихон. — Но потом раздумал...

Пес вопросительно взглянул на кота, но Тихон больше ничего не сказал. Израненное тело красноречиво говорило само за себя.

Сизый шлейф тумана заполнил собой всю ложину, укутал непроницаемой пеленой мусорную свалку, пряча от посторонних взглядов таинственный Город Светлячков в выгребной яме и место недавнего сражения. Только старая кирпичная стена возвышалась над колышущимся марево, как маяк, и указывала путь к дому.

Кот и пес вышли из тумана и тихонько ковыляли рядом по самому Краю Земли. А над их головами сияющим куполом склонялся бездонный Космос! Звездный Орел расправил свои могучие

крылья в гордом полете. Большая Медведица по-матерински вздыхала, стараясь сверкать ярче, освещая дорогу. Гончие Псы стремительно мчались по небосклону в своей бесконечной погоне.

А по самой кромке Млечного Пути, осторожно ступая лапами по звездной пыли, шла Звездная Кошка. Она была черной, как сама ночь! Кошка смотрела вслед Гончим Псам и улыбалась — трудно искать черную кошку в черном Космосе...

Приключения принца Фабиана...

Весна в городе разлилась повсюду: в первой зелени, прорывающейся сквозь прошлогоднюю листву на теплотрассах, в грязных лужах, щедро отражающих небо, в желто-бурых остатках рыхлых сугробов и в набухших почках. А еще весна в городе источала свой, неповторимый, запах. Пахло сырой древесиной просыхающих скамеек в парке, прелыми листьями, терпким настоем березового сока и солнечным, свежим ветром.

«Эта сырость, эта мокрость, эта непроходимость!» — в меру упитанный рыжий кот брезгливо переступал лапами, стараясь обойти хотя бы самые глубокие лужи. Его полосато-апельсиновые бока были перепачканы чем-то серым и, очевидно, липким. Шикарная манишка и белые носочки тоже имели весьма

потертый вид. Но он шел гордо, высоко подняв голову, словно король на параде.

«Мусорные баки, те, что у самой реки, должны быть полными! — зеленые глазищи сверкнули радостным огоньком. — Сегодня воскресенье, значит большая, серая, с желтым кузовом, машина приедет сюда не раньше, чем завтра.»

Рыжий бродяга забрался на крышу стального гаража, за которым и находились вожделенные баки. Так и есть! Пир горой! В одном квартале — два ресторана и гостиница, а баки для мусора — только здесь! Кот спрыгнул вниз. Серые вороны лишь недовольно посторонились, сердито зыркнув в его сторону. Кот их не боялся. А вот и счастье! Целый пакет с рыбьими потрохами! Да не просто так! С осетровыми потрохами! «Видать, в ресторане «Боярыня» осетровую уху готовили! — смекнул кот. — На обед не пригласили, но и за потроха спасибо!»

Вскоре, наевшись до отвала, рыжий гуляка растянулся во весь рост на крыше того самого стального гаража, с которого открывался чудный вид на реку. Просмоленная крыша уже успела прогреться на весеннем солнышке и приятно грела бока.

— Будь здоров, рыжий бездельник! — раздалось скрипучее карканье с ветки старой

березы.

— Аааа! Варвара! — кот лениво повернул голову. — И тебе не хворать! Только я не бездельник вовсе, я свободная личность. И заметь — весьма романтическая натура!

— Ну, что ж, романтик, тогда счастливо оставаться! — ворона спорхнула с ветки и улетела по своим неотложным, вороньим делам.

Сон куда-то пропал, кот сел на край крыши и посмотрел по сторонам. К бакам, кроме ворон, слетелись и сбежались все прочие завсегдае: голуби, чайки, кошки и собаки. И еще бомж Сеня. Сеня жил в старом товарном вагоне, что стоял тут же, у гаражей. С ним в его «хоромах» обитали сразу четыре собаки: одноногий Джек, задира Полкан, старый эрдель Булька и коротышка Софочка.

— Мьсе Наполеон! Наше Вам! — Сеня всегда звал кота по имени, тем более, что немногие знали настоящее имя какого-то там рыжего бродяги, и при этом всегда добавлял загадочную приставку «мсье». — Здравствуйте, Господин
Главнокомандующий!

Кот снисходительно кивнул, и сипло мяукнул. Свое имя он заслужил боевыми ранениями на полях сражений: левое ухо его наполовину было откушено в неравном бою со сворой бродячих собак, морда испещрена множеством шрамов, но это не убавляло рыжему воителю гордости

победителя и достоинства короля. Из девяти небезызвестных кошачьих жизней, рыжий задира не меньше пяти оставил в отчаянных битвах. Люди периодически пытались называть его по-разному, чаще всего Васькой или Барсиком. Кто впервые дал ему это имя — Наполеон, кот даже уже и не помнил, но гордился им, как боевой наградой. А с Сениной подачи все задворки звали его «мсье Наполеон», что вселяло в душу рыжего прохвоста чувство собственной значимости.

Бомж Сеня промышлял сдачей стеклотары, поэтому всегда подолгу рылся в мусорных баках. В его полотняной торбе из замызганной мешковины уже приятно позванивал целый арсенал пустых бутылок, что обещало продуктивный вечер.

Наполеон сладострастно потянулся, выгнул спину и, прищурившись на один глаз, продолжал наблюдать за Сеней. Из-под всяческого хлама в баке бомж извлек картонную коробку, туго перемотанную скотчем. Сковырнув ножом скотч, он приподнял крышку, но тут же воскликнул «Тьфу ты, пропасть!», швырнул коробку в сторону и пошел прочь, что-то бормоча себе под нос. Кот терпеливо дождался, пока Сеня скроется за углом и спрыгнул вниз — было очень любопытно взглянуть на то, что могло так разочаровать бомжа.

Коробка была из-под итальянской обуви, с размашистой надписью на крышке «Fabian», от нее

еще пахло новенькой кожей. Но совсем другой, холодный и едкий, запах сочился изнутри: пахло крепким раствором хлорки и смертью. Наполеон, как никто другой, знал, что смерть тоже имеет свой запах — липкий запах обреченности и страха.

Кот осторожно отодвинул лапой крышку: в коробке неподвижно лежал маленький мокрый котенок. «Утопили, — Наполеон нахмурился. — Да чтоб наверняка — в хлорке! Странно, что не сразу — глаза успел открыть...» Не раз он видел у баков пакеты с утопленными новорожденными котятками, но все они были еще слепыми — так хозяева освобождались от ненужного приплода. А у котенка из картонной коробки с надписью «Fabian», уже прорезались первые зубы...

Наполеон вздохнул, подвинул крышку на место, и собрался было снова забраться на гараж, как вдруг услышал слабый писк. Кот повел правым, целым, ухом и прислушался. Писк повторился, и крышка на коробке вздрогнула. Наполеон снова заглянул в коробку: котенок открыл глаза и усиленно хватал ртом воздух. С его губ сочилась розовая пена.

Подобие улыбки растеклось по маленькой беспомощной мордашке.

— Что ж, приятель, — глубокомысленно изрек Наполеон. — Хорошая мина при плохой игре — это не так уж и мало.

— Мяу, — пискнул котенок и всем своим разбитым телом потянулся к незнакомому бродяге.

«Только этого мне не хватало!» Наполеон оглянулся — ни одного кота по близости не было. «Ладно, вытащу его отсюда! Раз уж больше, все равно, некому. А потом, если выживет, пусть сам выпутывается! Я — свободный кот, а не нянька!»

* * *

Весеннее солнышко светило все ярче, и крыша гаража к полудню прогрелась, словно печка. Котенка, наконец, перестало тошнить, и он уснул, прижавшись к спасительно теплой просмоленной поверхности крыши. Наполеон подумал и лег рядом, заслоня малыша от ветра.

«Докатился, мсье Наполеон! — сострадание вело неравный бой со стыдом. — Ты же Кот, а не Кошка! А если кто увидит? Сраму не оберешься! Зачем тебе нужен этот полудохлый котенок? Ты же ему даже не отец!»

Котенок во сне повернулся на бок и причмокнул губами.

«Ну, и что же, что не отец! — сострадание явно побеждало. — Ты погляди, какой он красивый! И какая разница, что ты не кошка — ты можешь взять его в ученики!»

А малыш и вправду, был красивым —

удивительно бархатная, серо-голубая шерсть, густой подшерсток, длиннющие белые усы. А вдоль спины темной полосой, словно дым от костра, стелились длинные черные шерстинки. Котенок был весь, словно плюшевый с черной пелериной на спине.

«Вот еще! — стыдливая мысль сопротивлялась. — Тут и думать нечего! С этим котенком хлопот не впрокорот! Вот очухается — и чао!»

Наполеон еще разок, с пристрастием, взглянул на спящего малыша.

«А кто ему поможет, если ты его бросишь? Зачем ты тогда вытаскивал его из коробки?» — сострадание настаивало на своем.

«А может, у него хозяин есть? — это была третья, спасительная, мысль — Хорошо бы, если так! Это — Шанс!»

— Наполеон! Что я вижу?! — вездесущая пронира Варвара снова уселась на березу и с превеликим любопытством уставилась на спящего котенка. — Ты, никак, обзавелся потомством?

— Да у меня такого потомства по всем подворотням! — шикнул в ответ Наполеон.

А потом примирительно добавил:

— Не ори, разбудишь. Вот проснется, разберемся.

Малыш распахнул свои огромные глаза,

удивительного янтарного цвета и, чуть покачиваясь, сел. Наполеон с Варварой с ожиданием смотрели на него.

— Мяу, — снова пискнул котенок.

— Ты кто, Несчастье? Откуда ты такой взялся?

— Я не знаю, сударь, — котенок хлопнул ресницами. — У меня раньше была мама и два братца. А еще у нас была Хозяйка. Она кормила нас, только...

— Только что? — Варвара от любопытства чуть не свалилась с ветки.

— Я всегда боялся ее. Она так пристально смотрела на меня... Ей не нравилась черная полоса на моей спине. А потом пришли какие-то чужие люди и стали говорить непонятные слова...

— Что за слова? Помнишь?

— Они говорили о чистоте породы. А потом сказали, что я — выбраковка... Потому, что на моей спине есть длинная черная шерсть. Наверное, это плохо... А вечером хозяйка забрала меня от мамы и я вдруг умер...

— Таааак... — грустно протянул Наполеон. — Да ты, оказывается, принц голубых кровей, Ваше Высочество! Ну, а зовут-то тебя как? Имя-то у тебя есть?

— Не знаю, может «Выбраковка» — это мое имя? — котенок подвинулся к теплому боку

кота. — Не прогоняйте меня, пожалуйста... Мне страшно.

— Есть хочешь? — Наполеон сразу перешел к делу и, не дожидаясь ответа, прыгнул к бакам.

Вернулся он достаточно быстро с осетровыми плавниками в зубах. — На вот, поешь пока. Только не спеши, не то подавишься.

— Нет, «Выбраковка» — это не имя, — рассуждал вслух Наполеон, глядя, с каким аппетитом котенок уплетает размякшие плавники. — Это, своего рода, черная метка, братец. Это значит, что ты, как бы это сказать? Не достаточно хорош для принца...

Малыш облизнулся, посмотрел на своего спасителя огромными золотисто-янтарными глазами, глубоко вздохнул и уткнулся носом куда-то в район грязной рыжей подмышки бывалого бродяги. Варвара ехидно ухмыльнулась.

— Нет, так не пойдет! — Наполеон отодвинулся. — Нельзя принцу без имени! погоди! Там, на коробке, что-то было написано! Варвара! Ты умеешь читать?

— Обижаешь! — ворона слетела вниз, к бакам, и несколько раз обошла вокруг коробки с надписью «Fabian». — Здесь написано — Фабиан!

— Значит, так, — торжественно произнес кот. — Меня зовут Наполеон, но ты будешь звать меня, как все — «мсье Наполеон» Понял?